

К 556
46Г

К Р О К О Д И Л

Рис. К. Елисеева

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИЗЛИШКИ

«К а т ю ш а»

Не на море, а на суше,
В гущу боя, напролом,
Вместе с нами
Шла «Катюша» —
Незнакомка под чехлом.

Как назвать её?
Товарка?
Иль — товарищ боевой?
Там, где небу было жарко,
Там она вставала в строй.

Посвист пуль,
Снарядов пенье,
Огневой горяч настил...
— Ну, запарка, нет спасенья! —
Пехотинец говорил.

Вот как раз
В минуту эту,
Быстролётна и смела,
По-военному одета,
Наша «Катя» в битву шла.

Одеянье мигом сбросит,
Дунет-плюнет в белый свет,
Так и режет, так и косит...
И врагу спасенья нет!

От врагов —
Одна окрошка,
А «Катюша» — мигом в тыл;
Вновь такая, вновь в одежке;
Поглядишь — и след простыл!

Было жарко...
И не скрою,
На дороге фронтовой
Не видал её вне боя
Неукрытой, даже в зной...

А теперь
(Ноябрь — не лето!),
После бурь
(Каприз какой!),
Я гляжу: совсем раздетой
Катит «Катя» по Тверской!

Мне сказал сосед мой ксати:
— Вот герой боёв идёт —
Наша слава, наша «Катя» —
Наш гвардейский миномёт!

И. НИКАНОРОВ

Рис. О. Верейского

ЗВЕЗДОЧКАМИ ОТМЕЧЕНО...

— Про эту зенитку не скажешь, что она звёзд с неба не хватает.
За каждого сбитого с неба «юнкерса» — по звезде.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ИЗМИР. Местный судья, оправдавший недавно турецких журналистов, которые выступали в печати с клеветническими статьями против Советского Союза, срочно вызван в Анкару для обмена опытом со столичными судьями. Оправданные им журналисты обмениваться опытом со своими столичными коллегами не предполагают, так как опыт последних в области антисоветской клеветы и без того достаточно велик.

КЕПТАУН. В связи с горячим желанием премьер-министра Южно-Африканского Союза Смэтса аннексировать Юго-Западную Африку и холодным отношением к этому восьми миллионов негров, атмосфера в Африке накаляется.

ПЮРНБЕРГ. Вашему корреспонденту стало известно, что Папен и Фриче, желая избежать суда по денацификации, возбудили ходатайство о зачислении их в беженцы. Ходатайство своё они мотивируют тем, что в так называемых лагерях для беженцев находится много военных преступников не меньшего калибра и что условия, в которых содержатся эти преступники, им — Папену и Фриче — вполне по вкусу.

НЬЮ-ЙОРК. Здециные лингвисты не высказывают никакого удивления по поводу выяснившейся связи между Ку-клукс-кланом и гитлеровцами. «В английском языке, — говорят они, — всё зависит от произношения. Так, например, по английски пишется Ку-клукс-клан, а произносится гес-та-по».

Горячо к сердцу

БОРИС Михайлович вышел из дому, чтоб отправиться к себе в главк. Он поёжился от ледяного ветра, поднял воротник, и первая его мысль была о фабрике, которая находилась в ведении главка: «Что-то у них там сегодня?»

Приехав в управление, он уселся на своё обычное место, спиной к отоплению, за обширным письменным столом. Из ящиков стола вынул папки, пересмотрел почту, отвечал на звонки, а беспокойная мысль рвалась из четырёх стен, летела далеко-далеко, за шесть — семь трамвайных остановок, туда — на фабрику, на производство.

«Нынче они там выпускают новый сорт бостона... Говорят, хорош. Хотя в прошлый раз тоже говорили, что сукно-фуле замечательное, а я обнаружил брак!»

Ему не терпелось, не сиделось и не работалось. Он пошёл к начальству и доложил:

— Хочу съездить на фабрику. С утра о них думаю, прямо сердце не на месте.

И при этом в его глазах было столько тревоги, что начальству стало даже приятно.

Борис Михайлович страдальчески сморщился, покрутил головой и махнул рукой. Не надо слов, этого было более чем достаточно.

Когда он ушёл из кабинета, начальство добродушно улыбнулось ему вслед и сказало:

— Вот сотрудник, который горячо принимает к сердцу государственные интересы! А ведь он всего лишь финансовый работник. Мог бы, кажется, спокойно позванивать по телефону и с прохладцей требовать всякие там сведения. А он — нет! Сам поедет на место, сам до всего дойдёт. Молодец!

А тем временем молодец уже сидел в фабричном орсе и взыскательно обращался к новому бухгалтеру, человеку молодому и добродушному:

— Н-да, видимо, товарищ Маслов, прощай у вас сделать придётся. Не нравится мне многое у вас, очень не нравится! Кстати, неужели до сих пор зимние пальто не получены? Это — безобразие! Не можете обеспечить своих людей. Ах, получены? Ну, тогда это уже плюс. Кстати, пока не забыл, выпишите мне один ордерок на пальтишко и на парочку бурок. Да! А за дрова деньги переведены? То-то же! Я вас научу строгой финансовой дисциплине! Не позаботиться о дровах, на зиму глядя! Это же — преступление! Ах, завтра будете возить со склада? Ну-ну, тогда — другое дело. Не забудьте, пожалуйста, дать шофёру мой адрес. Кубометра три, больше не надо. Меня не будет, жена примет... А самое главное, товарищ Маслов, — сведения! Сведения вовремя представляйте. Будете подробные сведения представлять вовремя, будем с вами жить в мире. Вот, например, я стороной от людей узнал, что автоновка должна быть получена. От людей, а не от вас, да-с! А ведь надо позаботиться о правильном учёте, о хранении. Между прочим, я вам сеточку на гвоздик повешу, в неё пять кило входит, не потеряйте. Да! Запишите сейчас же мой телефон, служебный и домашний.

Добродушный молодой человек — бухгалтер Маслов — поднял голову от своих бумаг, переглянул через плечо Бориса Михайловича с краснощёким счетоводом Любой и сказал спокойным тоном рассказчика, которого прервали на минутку:

— Так вот, я тебе и говорю, Любочка, когда я работал бухгалтером в колхозе, повадился к нам один дядька из района. Приезжал вроде как бы для проверки отчётности, но — обрати внимание — обязательно приезжал с огромным мешком... И чего-чего только в этот мешок не попадало, — я тебе даже передать не могу!

Любочка фыркнула, не оттого, что рассказ о дядьке показался ей смешным, а потому, что она поняла, что Маслов только сию минуту его выдумал, к случаю, а сам никогда в колхозе не работал.

— Вы этим хотите на что-то намекнуть? — спросил Борис Михайлович и строго выкатил глаза.

— Так... Вообще... Вы что, уходите, Борис Михайлович? Всего хорошего, Борис Михайлович. Сеточку, которая на пять кило, не позабудьте, Борис Михайлович.

В. КАРБОВСКАЯ

Покончив с многими «делами»...

...взялась за одно дело.

ПОГОДА ПОМОГЛА

— Кому снег на голову, а мне на руку!.. Территория завода выглядит чище!

Подсобное хозяйство

МОЖЕТ, я нескладно говорю... Простите, пожалуйста... Но мне хочется задать вам такой вопрос... Сколько у мужчины карманов? Я совершенно отбрасываю в сторону верхнюю одежду... Давайте остановимся на штанах, пиджаке и жилетке...

Мой собеседник — маленький, сухой старик с неказистой бородёнкой пепельного цвета — застенчиво улыбнулся и продолжал:

— Вы, по всей вероятности, думаете обо мне: «Вот чудак!» Но сейчас убедитесь в том, что мой странный вопрос о карманах имеет прямое и непосредственное отношение к той теме, которую я хочу затронуть.

Итак, сколько у мужчины карманов?

В брюках — самое меньшее — четыре кармана.

В пиджаке — круглым счётом — пять штук. И в жилетке тоже пять.

Итого — четырнадцать. По-моему, мужчина неплохо обеспечен карманами. Грех жаловаться.

А между тем... Вот тут-то я и подхожу, с нашего разрешения, к основной части нашей беседы.

Встречаются, видите ли, мужчины, которые не удовлетворены отпущенным им количеством карманов. Им во что бы то ни стало нужен ещё один карман. Ещё один!

А именно — государственный карман.

Вот куда они любят залезать. И эти мужчины полагают почему-то, что государство находится у них в неоплатном долгу.

Для пояснения своей мысли разрешите привести один пример. Я сам из города Бийска. Это на Алтае. Работаю я там в конторе «Скотимпорт».

Управляет этой конторой Касимцев. Вот он

и есть один из тех мужчин, которые крепко привыкли считать государственный карман неотъемлемой принадлежностью своего костюма.

Для ясности приведу несколько фактов.

У Касимцева есть квартира. В квартире печи. Они отапливаются дровами. А дрова казённые.

У Касимцева корова. Корова ест сено. Но покупного сена она ни разу не пробовала. Корова управляющего растёт и воспитывается на казённом сене.

У Касимцева семья. Семья употребляет в пищу масло, сливки, мёд, рыбу и другую еду. Но наш управляющий даже понятия не имеет, как это платят деньги за продукты. Он с семьёй живёт на казённых харчах, на полном иждивении у государства.

Я уже вам докладывал о казённом сене, которое без зазрения совести лопает корова управляющего. Но я, простите, забыл упомянуть, что это сено идёт и на другие нужды. Так, например, за шитьё платьев для своей жены и дочери Касимцев расплачивается с портнихами сеном. Хорошо живётся коровам у портних города Бийска: они обеспечены добротным казённым сеном. В особенности, если часто меняются моды.

Должен ещё отметить, что эти экскурсии в государственный карман Касимцев совершает уже четыре года с лишком. Если всё это подсчитать, сложить да помножить, то получится немаленький итог.

Вижу: собираетесь у меня спросить: где же Касимцев берёт дрова, сено, масло, мёд и всё прочее?

А для этого, дорогой мой, существует подсобное хозяйство при конторе.

То есть формально оно — при конторе. А фактически — при управляющем конторой.

Это хозяйство, как видите, подсобляет Касимцеву существовать, как птичке божьей, без заботы и труда.

Была у него одна забота... То есть не одна, а целых три заботы — платить алименты.

Почему три заботы? Потому что алименты выплачивались трём жёнам.

Но и тут подсобило ему подсобное хозяйство. Говорят, что алименты он тоже выплачивает сеном и дровами.

Вижу: ещё один вопрос готов сорваться с ваших уст. Вероятно, интересуетесь следующим: а знают ли в Москве, в главке, о плодотворной деятельности Касимцева?

Точно на этот вопрос не могу ответить. Но знаю, что уполномоченные главка приезжали в Бийск. Знаю, что они останавливались у Касимцева.

И знаю, что уезжали они весьма довольные Касимцевым и его подсобным хозяйством.

Вот почему, дорогой товарищ, я и поднял вопрос о карманах. Немало у нас ещё мужчин, которые охотно превращают государственный карман в своё личное, подсобное хозяйство.

Старик вынул аккуратно сложенный платочек, неторопливо вытер лоб и добавил:

— Вы не думайте, что это мелочь... Дескать, маленький городишко Бийск... Небольшая контора «Скотимпорт»... к слову сказать, эта небольшая контора дала в прошлом году большой убыток — сто тысяч... Меня, видите ли, волнует не только этот малозаметный Касимцев, а другое: что ежели поискать да порыться, и вдруг что-нибудь этакое окажется ещё в одном городишке, ещё в одной конторе?.. Вам понятна моя мысль? А?.. Вот почему я и привёл этот пример.

Г. РЫКЛИН

МИСТЕР КОЛЛЕГА

(ИЗ ЮГОСЛАВСКОГО ДНЕВНИКА)

МИСТЕР В., с которым я часто встречался в тысяча девятьсот сорок пятом году на разных прессконференциях в Югославии, любил называть меня «коллегой».

Он был корреспондентом одной из крупных иностранных газет. Меня он всегда встречал с заученной приветливой улыбкой и распростёртыми объятиями.

На ломаном русском языке он неизменно приветствовал меня радостным восклицанием:

— Здравствуйте, мистер коллега!

Отношения у нас были самые «мирные».

Но на прессконференциях эти мирные отношения нарушались. Мистер В. был представителем махровой международной реакции. Такие корреспонденты в изобилии разбросаны по всем концам Европы. Вопросы их, обращённые к представителям демократии, всегда кляузные и недружелюбные, вернее, провокационные.

Мистера В. недолюбливали и многие соотечественники. Все знали, что уж больно нечистоплотен этот тип в безукоризненно чистом воротничке.

Во время одной из прессконференций, где стоял вопрос о документах, подтверждающих предательство Драже Михайловича, мистер В. своими вопросами всячески старался вызвать сомнение в достоверности этих документов, открыто выражая свои симпатии сторонникам Михайловича и бывшего короля Петра.

лийские полицейские, в красных, как помидоры, касках. «Спички» — это в чёрных костюмах и белых, как спичечные головки, касках итальянские полицейские.

Этой демонстрации преградили дорогу несколько сотен возмущённых антифашистов. Полицейские начали потасовку, пустив сначала в ход резиновые дубинки, а потом их поддержали английские и американские автоматы и пулемёты. Было убито несколько человек антифашистов и несколько десятков ранено. На моих глазах ударом кулака в челюсть полицейский убил итальянского рабочего-антифашиста, по фамилии Бельтринини, который только что вернулся из фашистского лагеря.

Фашистская демонстрация расстроилась. В тот день в городе было очень тревожно. На каждом шагу попадались полицейские с автоматами и гранатами, проезжали английские и американские броневики. Но в ресторанах вино лилось рекой.

Утром четвёртого ноября я хотел выехать из Триеста, но было невозможно проехать по улицам города. Сто пятьдесят тысяч жителей Триеста вышли на антифашистскую демонстрацию. Они несли огромные портреты вождя югославских народов маршала Тито и пели партизанские песни. Семьдесят пять процентов этих людей были итальянцы.

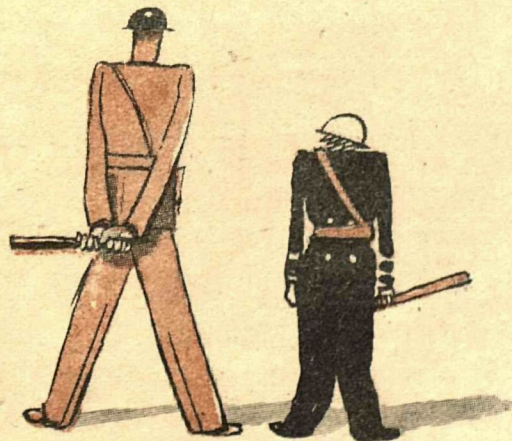
Последний раз с мистером В. я встретился в Белграде. Он был приветлив, как всегда, и радушно приглашал меня в ресторан распить с ним бутылку вина. Я отказался. Он не обиделся.

После этого я не видел его две недели.

Третьего ноября тысяча девятьсот сорок пятого года я попал в Триест. Это был позорный день для оккупационной американско-английской армии. Двадцать седьмая годовщина фашизации Триеста.

В этот день со всех концов Италии собрались в Триест около пятнадцати тысяч итальянских фашистских молодчиков — питомцев Муссолини. Они шли по широкой улице Виакордучи, по направлению к площади Унита, несли итальянские знамёна и пели фашистские песни.

Демонстрантов плотным кольцом окружали американские и английские солдаты. Ехали броневики, шли автоматчики, важно шествовали «спички» и «помидоры», как там называют английских и итальянских полицейских. «Помидоры» — это высокие, долговязые ан-

Я подходил к газетному киоску, как вдруг услышал сзади себя оклик:

— А! Мистер коллега!

Не оборачиваясь, я узнал голос мистера В. Но я не имел ни малейшего желания разгова-

ривать со своим любезным «коллегой». Не обернувшись, я сел в машину и поехал дальше.

Мне удалось покинуть Триест только под вечер. Но в течение всего дня, где бы я ни появлялся, повсюду за мной издали следовал мотоциклист. На мой недоумевающий взгляд мотоциклист отвечал приветливой улыбкой, почему-то напоминающей мне улыбку мистера В.

Седьмого ноября я шёл по празднично украшенным улицам Белграда. На улице короля Милана я лицом к лицу столкнулся с мистером В. Он, как обычно, с любезной улыбкой и широко распростёртыми руками, приветствовал меня радостным восклицанием:

— О! Мистер коллега! Как давно я вас не видел!

— Неправда, мистер, — ответил я, — вы видели меня позавчера и даже окликнули меня.

— Где? — с деланным изумлением спросил мистер В.

— В Триесте, — отвечал я. — И представьте себе моё удивление, когда после встречи с вами за мной по пятам целый день следовал какой-то господин на мотоцикле, необычайно похожий на вас.

Мистер В. на секунду растерялся, но, быстро овладев собой, поспешно забормotal:

— Я? Нет, это — не я. Видите ли, я — типичный представитель англо-саксов, и много моих соотечественников похожи на меня...

Иллюстрация А. Каневского

Рис. Л. Бродаты

ИЗ БАСНИ КРЫЛОВА С ЗАМЕНОЮ СЛОВА

Проказница Мартышка,
Осёл, Козёл да косолапый Мишка
Затеяли сыграть квартет...

* * *

Пошли в Музгиз, а нот в продаже нет!

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

ВДВОЕМ С ДИККЕНСОМ

Копилки мигающий пламень...
Мы с Диккенсом в доме одни,
Во мраке горит перед нами
Больших ожиданий огни.

(М. Алигер «Большие ожидания»)

Отложены в сторону виалка
И нож; не едим и не пьём;
Чадит и мигает коптилка;
Мы с Диккенсом нынче вдвоём.

Старик опустился устало
На кресло, у края стола;
Стихи ему вслух прочитала,
Чего-то такого ждала...

В трубе домовой завывает,
Трещат половицы в дому...
Отчаянно Диккенс зевает.
С чего бы? Никак не пойму!

ПЕСНИ ПАНИХИДНЫЕ...

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора,
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра...
(С. Орлов «Осень»)

Шумят дожди по крыше глухо,
И вторит им стихов струя.
И чьё-то с белой ватой ухо
Не слышит явного нытья.

«Тоска.. Дожди.. Туман и слякоть...
Глубокой осени пора...»
Как будто мир сошлись оплакать
Поэт, а с ним — редактора!

ОТГОРОДИЛ ЗАСОВАМИ

С нетопырями, совами
Средневековый миф
Застыл, семью засовами
Себя отгородив,
(В. Азаров «Весна в старом городе»)

Отгородить засовами? Не верю!
Мне скажет всяк,
Кто к смыслу слова строг:
Засовами, обычно, запирают двери,
Чтоб не летели за порог
Нетопыри прочтённых выше строк.

Иван МОЛЧАНОВ

Т И П

СОВЕРШЕННО неожиданно ко мне явился Кирбатов. Я не видел его лет шесть.

В наружности Кирбатова, солидной и внушительной, особых перемен не произошло. Но по глазам его, взиравшим не прямо вдаль, а наискосок в пол, было видно: Кирбатов переживает.

Я спросил:

— Сняли?

— Ну, уж и сняли... — ответил Кирбатов. — Собственно говоря, всего несколькими голосами не перевыбрали... А кто же это успел тебе разблаговестить?

— Сердце подсказало. Эх, Кирбатов, Кирбатов!..

Кирбатов засопел и проворчал:

— Ну вот, ты всегда так... При чём тут Кирбатов? Тут кампания, брат, велась!

— Посевная?

— Не посевная, а против меня. Умышленно авторитет подрывали. Не ко двору пришёлся некоторым.

— Не сумел ты, значит, поставить себя. Не оказался на должной высоте.

— Ну, уж ты скажешь... — буркнул Кирбатов.

— Скажу, Кирбатов, — кротко согласился я. — Скажу, а ты послушай. Пригодится на будущее. Ведь ты же не собираешься навсегда затеряться? Хоть и нырнул, но надеешься снова выплыть на поверхность?

— Ну, ты ж меня знаешь! — произнёс с достоинством Кирбатов.

— Я тебя знаю. Но ты меня-то слушай. Занимая пост, подобный твоему бывшему, прежде всего необходимо выработать в себе правильное отношение к некоторым вещам. В частности к самокритике и к телефону.

— Почему к телефону? — удивился Кирбатов.

— Эх, Кирбатов! Во-первых, телефон интимнее и сокровеннее всяких записочек... Многое, неудобное по записочкам и затруднительное по закону, вполне удобоисполнимо по телефону. Во-вторых, занимая пост, ты же не допустишь, чтобы к тебе табуном ходили посетители? Не допустишь. Но посетитель, в особенности ходатайствующий, пронырлив и может войти в соприкосновение с тобой по телефону...

— А технический секретарь и параллельный аппарат на что же? — не смог промолчать Кирбатов.

— Не перебивай, — сказал я. — Ну, да: секретарь. Разумеется, он проявит известную бдительность. Если попросят: «Можно товарища Кирбатова?» — то секретарь ответит: «Его нет и неизвестно, когда он будет». Если же тебя назовут по имени-отчеству, то он осведомится: «А кто его спрашивает?» Но такого рода осведомление неуместно, если трубка произнесёт резко и отрывисто: «Дайте Кирбатова!» Ведь ясно, что звонит кто-то отнюдь не ниже тебя...

— А бывает, что нарочно поддельваются, — вставил угрюмо Кирбатов.

— Возможная вещь. Но лучше нарваться один раз на просителя, чем услышать от лица, которое не ниже тебя: «Ага, Кирбатов отгораживается от масс!»

— Хм! — произнёс раздумчиво Кирбатов.

— Ах, важныкали!.. Ну, и ещё совет: беседуя с вышестоящим человеком по телефону при свидетелях, старайся не кланяться и не изгибаться. В крайнем случае, делай это мысленно, про себя... А то истолкуют твой невинный условный рефлекс как подхалимство.

— Подожди, — начал было Кирбатов, — мне интересно, откуда ты мог...

— Не перебивай же! — сказал я. — Перехожу к самокритике. Отрицать её право на существование неразумно. Рычать на критикующих тоже нельзя. Тут нужен дипломатический подход. Вот ты ведёшь собрание... Кто-то, критикуя, забирается ближе к тебе, чем желательно. Ты привстаёшь и, благодушно улыбаясь, говоришь: «Критиковать других, товариш, вы умеете, а ну-ка, о себе теперь расскажите!»

— Позволь! — явно волнуясь, опять перебил Кирбатов. — Кто же это тебе успел раззвонить обо мне?

— Никто мне ни слова не говорил о тебе, — поспешил я успокоить Кирбатова. — Но ведь я ж тебя знаю! Может быть, только ты сам не знаешь, кто ты такой...

— А кто же я, по-твоему?

— Тип. Надеюсь, что отживающий, но всё-таки тип.

Кирбатов сел и пробормотал:

— Ну, уж ты всегда что-нибудь такое...

Затем спросил:

— Да, кстати... Нет ли у тебя хороших знакомых в отделе кадров?

ГРАМЕН

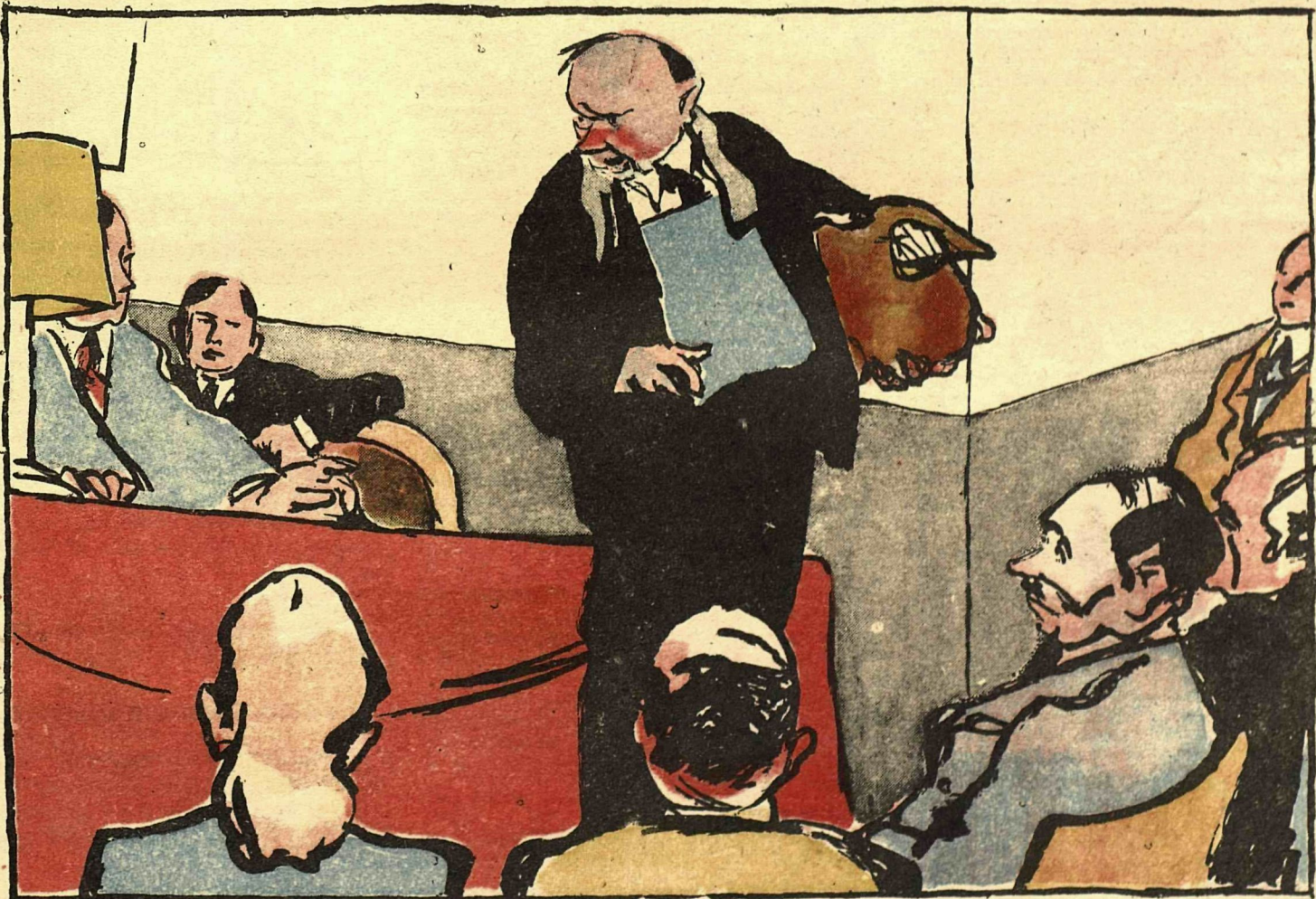

Рис. В. Горьева

ЗАВСЕГДАТАЙ ТРИБУНЫ

- Товарищи, я всецело присоединяюсь к предыдущему оратору.
- Но ведь ещё никто не выступал.
- Простите, я не знал. Я только что пришёл.

ЗАНЯТОЙ ЧЕЛОВЕК

УТРОМ обнаружилось, что уборщица Агафья не подмела комнату архива. Старший архивариус, переносивший доселе удары судьбы с чисто профессиональной терпеливостью, решил на этот раз воспротивиться злему року. В кабинете главы учреждения Ивана Петровича Васюткина разыгралась сцена, исполненная трагической безысходности.

— Я имею незаконченное среднее образование, — говорил мелодраматическим тоном старший архивариус. — Неужели же швабра вам дороже моего авторитета? Все отделы подметаются ежедневно, а архив почему-то через два дня на третий. Почему?

Речь старшего архивариуса задела душевные струны Ивана Петровича. Среди своих подчинённых Иван Петрович слышит устойчивым либералом. В кабинет к нему входят обычно без стука и располагаются в непринуждённых позах вплоть до восседания на письменный стол с закидыванием ноги на ногу.

Иван Петрович успокоил архивариуса:

— Не волнуйтесь, разберёмся, — и, вызвав секретаршу, приказал: — Позовите ко мне эту разбойницу Агафью.

— Там ждут приёма по вопросу о прачечной, — заметила секретарша. — Вы им на десять часов назначали.

— После Агафьи... Пусть обождут.

Уборщица Агафья играла в учреждении роль такой самостоятельной державы, которая ведёт свою обособленную, хотя и довольно примитивную политику.

— Ну, зачем вызывали? Ну, пришла, — заявила она тоном весьма делового человека.

— Почему архив не подметаешь?
— А веники теперь знаете почём?

— Агафья, иди с богом и подметай архив ежедневно, — добродушно произнёс Васюткин.

Но с уборщицей не так-то легко было говорить:

— Я за каждый веник отвечаю. Не могу я перерасход допускать.

— Скажи завхозу, что я разрешил покупать веников столько, сколько нужно.

С вениками было улажено. Иван Петрович хотел было вызвать людей, ожидавших приёма,

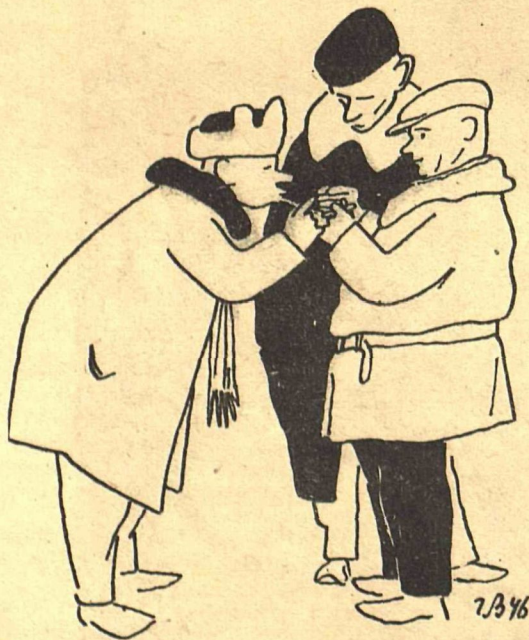

Рис. Г. Валька

ОН НЕДОВОЛЕН!

— За что тебя уволили?
— Пришёл на завод «под мухой», а директор из мухи слона сделал...

но вместо них в кабинете появился бледный, чем-то сильно расстроенный сотрудник планового отдела. Уже с порога он произнёс гневную тираду:

— Иван Петрович, так дальше работать нельзя! Машинное бюро систематически держит плановый отдел в чёрном теле. Как правило, наши материалы печатаются в последнюю очередь. Я не буду отрываться у вас столь драгоценное время и доказывать значение планирования вообще и наших плановых намёток в частности, но...

И великодушный Васюткин снова принимался успокаивать, убеждать:

— Сейчас разберёмся. Вызовите ко мне старшую машинистку.

Секретарша напомнила Ивану Петровичу, что в приёмной всё ещё ждут насчёт прачечной, что у подъезда стоит машина и Васюткину давно пора ехать на приёмку отремонтированного моста через Козий брод. Но теперь, когда в машинном бюро обнаружилась нездоровая тенденция игнорирования планового отдела, он должен был разобраться в создавшейся обстановке до конца.

Старшая машинистка вошла в кабинет с независимой осанкой, свойственной людям незаменимых профессий. Смерив плановика презрительным взглядом, она улыбнулась Ивану Петровичу.

— Знаю, знаю, плановый отдел обидели. Бедные, бедные, — и вдруг, сменив вкрадчивый тон на рыканье тигрицы, старшая машинистка приблизилась к плановику. — Жаловаться! Прошу меня больше не считать старшей... Я хочу быть младшей.

Васюткин, не ожидавший столь крутого оборота дела, сразу обмяк:

— Ну, ладно, миритесь и идите с богом. Уважитесь сами покрепче.

В приёмной меж тем было полно. Наступил час приёма посетителей, а Иван Петрович ещё, по существу, не приступил к работе. Ему позвонили, что приёмка моста сорвется, если он немедленно не явится. Васюткину надлежало торжественно перерезать ленту и открыть движение по мосту. Едва Иван Петрович поднялся со стула, как в кабинет, грохоча коваными сапогами, вошёл конюх:

— Беда, Иван Петрович! Лошадёнка переле. Надо бы ветеринара позвать.

— Скажи завхозу, — обронил уже одетый Васюткин.

Но конюх знал характер Ивана Петровича и не привык обращаться в новую инстанцию, минуя начальника. Он поднял телефонную трубку с рычага и поднёс её Ивану Петровичу:

— Давайте, звяните сами. Ветеринар — человек учёный. Он требует вежливого обхождения. Завхозу так не сказать, как вам.

И Васюткин терпеливо взял трубку и позвонил в ветлечебницу.

Потом попеременно в кабинет входили разные люди и по разным поводам, и ни один из них не имел прямого повода к делам, которыми Васюткину следовало заняться ещё с утра. В конце рабочего дня он взглянул на листок календаря, где накануне тщательно был распечатан регламент на сегодня. Так и не удалось разрешить вопрос с оборудованием для прачечной, пришлось отложить приёмку моста, не состоялся и приём посетителей.

Вечером он говорил жене:

— Зверски устал! Сумасшедшая работа, дня не хватает.

Друзьям он жаловался:

— По неделям газет не читаю. Стыдно сказать, не знаю текущих новостей. Недавно спрашивает мой заместитель, как мне понравилась Генеральная ассамблея. Какая там, думаю, ассамблея, в кино никак не выберешься!

Л. ГУРОВ

Великие Луки.

Рис. В. Фриджина.

— Что делает у вас Иван Петрович?
— Занимается скоростным строительством: полтора месяца работает завскладом и уже успел построить себе дачу.

ОДНАЖДЫ...

НЕ ТО НАЗВАНИЕ

Однажды И. А. Крылов присутствовал на спектакле его комедии «Урок дочкам». Роли двух молоденьких девушек играли известные в то время актрисы — Е. А. Семёнова и С. В. Самойлова. Обе были тогда в преклонных годах и довольно полны.

— Ну, как понравились вам ваши дочки? — спросил кто-то знаменитого баснописца после спектакля.

— Что ж, — добродушно ответил Иван Андреевич, — обе очень хорошо сыграли свои роли, а вот я сделал большую ошибку.

— Какую?

— Не то заглавие пьесе дал. Надо было не «Урок дочкам», а «Урок бочкам»...

РЕПЛИКА МИМОХОДОМ

Однажды молодой князь Х., известный своим богатством и глупостью, хвастался в клубе новым перстнем и массивной часовой цепью. Кто-то, желая его подзадорить, спросил:

— Полно, золотая ли цепь?

— Вы думаете, медная? — запальчиво вскричал хвастун. — Знайте же, что у князя Х. нет ничего медного.

— А лоб-то? — коротко бросил проходящий мимо известный водевиллист П. А. Каратыгин.

СУЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС

Художник А. Герасимов готовит серию пейзажей «Магуща-рокк».

До войны он очень грозно
Заверял, что в час любой
Встанет рано или поздно
На последний, смертный бой.
А когда пришла пора военных гроз,
Он сказал в военкомате:
— Жизнь мою возьмите, нате,
Только есть один существенный вопрос:
Я не создан для пехоты
И для флота нет охоты...
Воевать — так воевать, пиши — в обоз!

Лишь война отгрохотала,
Снова он захохотал:
— Мы готовы для аврала!
В бой, за хлеб и за металл!
Все на стройку! Все на шахту и в совхоз!
Мы готовы нынче даже,
Я бы тоже сам туда же,
Только есть один существенный вопрос:
Буду я скорей на месте
Здесь — в конторе или тресте...
Воевать — так воевать, пиши — в обоз!

Познакомившись с конторой,
Снова поднял шум и свист:
— Я, мол, этот, тот, который
Оптимист и активист.
Мы поднимем самокритику всерьёз!
Будем биться, будем драться!
Сам я тоже рад стараться,
Только есть один существенный вопрос:
Лично мне бы лучше, братцы,
В склад завхозом бы забраться...
Воевать — так воевать, пиши — в обоз!

Но когда-нибудь поэты
Сочинят великий труд,
Где жильцам эпохи этой
По заслугам воздадут.
Нас там всех опишут в полный рост,
Чтобы память не остыла,
По разделам фронта, тыла.
Только есть один существенный вопрос:
Наш «герой», он жил двойко,
Так куда ж писать вояку?..
Воевать — так воевать, пиши — в обоз!

Вл. Дыховичный
М. Слободской

Мастер высоких урожаев.

Дружеский шарж В. Пророкова

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

ТОВ. Магеррамов, директор Дворца культуры Азизбековского района в Баку, очень любит музыку.

Недаром у входа во дворец появились широковещательные афиши:

СЕГОДНЯ ЛЕКЦИЯ В СОПРОВОЖДЕНИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ТРИО! ВНИМАНИЕ! ЧИТКА ГАЗЕТ ПОД БАЯН!

Мы, к сожалению, не знаем тему лекции, для сопровождения которой директор нарядил специальное музыкальное трио. Зато нетрудно вообразить, как представлял себе тов. Магеррамов оживление пропагандистской работы с помощью баяна.

— Как проходит у нас читка газет? — очевидно, рассуждал музыкальный директор. — Скучно, сухо, неинтересно. Чтец бубнит себе что-то под нос нудно-монотонным голосом. Естественно, желающих послушать маловато. То ли дело — музыка!

Что если бы раздобыть живого, весёлого баяниста, который, быстро разбираясь в сложной международной обстановке, сумеет немедленно сопроводить каждое газетное сообщение тонкой и остроумной музыкальной иллюстрацией? Вот ловко-то получится!

Бубнит, к примеру, чтец очередную телеграмму из-за границы: «Британский делегат заявил что хотя он согласен с этим предложением, всё же, принимая во внимание ряд обстоятельств, он согласиться с ним не может».

— «И кто его знает, на что намекает!..» — резво подхватывает сообразительный баянист.

— «Американский сенат одобрил расширенную программу выпуска истребителей и бомбардировщиков новых систем», — оповещает чтец.

Баянист тут как тут:

— «Первым делом, первым делом самолёты», — игриво комментирует он.

— «Делегат Австралии, как обычно, выступил с очередной поправкой», — сообщает чтец.

— «У меня такой характер! Ты со мною не шути!» — быстро находит баянист.

— «Однако эта поправка была немедленно отвергнута подавляющим большинством голосов», — продолжает чтец.

— «Мне бесконечно жаль твоих несбывшихся мечтаний!» — тут же переходит баянист на минорный тон.

Но вот возникает вопрос: а что ежели баянист, вместо того чтобы сопровождать музыкальными иллюстрациями газетные сообщения, оценит по заслугам любовь изобретательного директора к музыке и прокомментирует её подходящим мотивом?

Хотя бы вот этим: «Любовь такая — глупость большая...»

ЮРИЙ ФИДЛЕР

г. Баку.

Рис. Л. Соффертиса

И БЫЛ ГЛУБОКИЙ ЭКОНОМ...

— Предлагают проводить режим экономии, а средств на это мероприятие не отпускают.

ДЕЛО О ВЬЮШКЕ

ПРОПАЖА была обнаружена комендантом общежития тов. Кругловым в момент, когда он проводил «контрольно-инспекторскую топку печей». Он запустил руку в душник, чтобы открыть трубу, а вьюшки там не оказалось.

— Нет вьюшки, — сказал он улавшим голосом стоявшему рядом истопнику Горденчу, на что тот флегматично заметил:

— Очень может быть... Вьюшка — тоже товар...

И после длинной паузы, во время которой лицо коменданта медленно багровело, истопник добавил:

— А с другой стороны, какой она товар, эта вьюшка? Разве на любителя?

Комендант провёл часовое собрание истопников и уборщиц и пошёл «принимать меры». Он написал заявление управляющему делами своего учреждения. В заявлении он просил «выделить средства на приобретение резервной вьюшки». На другой день управляющий вызвал коменданта и потребовал представить письменное объяснение «по существу безобразия». Нелегко дался коменданту этот документик!.. «В общежитии номер один такого-то числа неизвестным похищена вьюшка...» Кроме этой, совершенно ясной фразы, он долго ничего придумать не мог и только после долгих усилий написал ещё несколько фраз о «нетерпимости данного явления», об устанавливаемой им отныне системе «личной проверки под расписку печной системы» и т. д.

На другой день этот документ появился на столе главного бухгалтера тов. Дрожжина. На документе была резолюция управделами: «Тов. Дрожжин, прошу выдать под отчёт т. Круглову необходимую сумму на приобретение вьюшки. Морозов».

— Господи, — вздохнул главбух, — когда они научатся оформлять документы?..

Он написал на бумажке: «Какая сумма необходима?» — и отправил её к управделами. Тот, в свою очередь, переправил бумажку коменданту с новой резолюцией, предлагавшей «представить обоснованное заявление о сумме».

Комендант вызвал истопника Горденча и спросил у него, сколько стоит вьюшка. Горденч долго стоял молча, прищурив левый глаз, и затем ответил в своей обычной манере:

— Цена ей, конечно, — копейка в базарный день, если бы покупка нормальная. Но опять же, поскольку базар есть стихия, то ничего неизвестно...

Комендант сгонял Горденча на рынок, и таким образом было установлено, что «у рыжего старика, который без ноги» и который «сидит на железном пламе», вьюшка идёт по цене 50 рублей. На эту сумму комендант и написал «обоснованное заявление» с ссылкой «на оперативную проверку цены на местном рынке».

Бумажка снова попала к главбуху с новой резолюцией управделами: «Выдать под отчёт 50 (пятьдесят) рублей». Главбух, прочитав все документы, хмыкнул и сбоку написал: «Управделами тов. Морозову. Вы пишете «выдать», но не пишете, как мы оформим этот расход. Насколько мне известно, на рынке счетов не дают».

Вскоре, однако, бумажка снова вернулась к главбуху с лаконичной резолюцией: «Оформим актом». Но не таков главбух тов. Дрожжин, чтобы согласиться с таким предложением. Он соединился по телефону с заместителем директора тов. Араповым.

— Извините, что я вас беспокою, — сказал главбух, — но не кажется ли вам, что у нас многовато разных актов?

— Каких актов?

— А вот каких. В первом квартале мы по акту оформили графин для приёмной. В третьем квартале — бой стекла на входной двери. А теперь товарищ Морозов предлагает мне опять оформить актом покупку вьюшки.

— Пришлите мне всю документацию, я разберусь, — сказал заместитель директора.

Разобравшись, он вызвал управляющего делами и сказал ему:

— Многовато у нас разных актов... И вот ещё какая-то вьюшка...

— Но другого выхода пока нет, — робко сказал управляющий делами.

— Как это нет? Напишите за моей подписью бумажку товарищу Рыжкину в Металлопром — получим вьюшку официально.

Однажды, как пишут романисты, когда розовая полоска зари возвестила приход нового дня, в угловой комнате общежития, в той самой, где пропала вьюшка, раздался страшный грохот и прибежавшими было установлено, что в комнате обвалилась почти вся штукатурка. Произошло это главным образом оттого, что комнату топить перестали, ибо управляющий делами сказал: «Топить без вьюшки означает переводить дрова на обогревание улицы». Обвал штукатурки был отобразён местным сатириком в стенной газете учреждения. Ехидную эту заметку прочитал сам директор. Он разозлился и написал записку своему заму: «Тов. Арапов, в чём тут дело? Неужели мне надо заниматься и вьюшками в общежитии?».

Колесо завертелось! Товарищ Арапов стал выяснять положение дел с получением вьюшки от тов. Рыжкина. Оказалось, что ответ от Металлопрома был получен ещё на прошлой неделе и подшит во «входящие». Но в ответе сообщалось, что вьюшки на московскую базу будут «заняты» несколько позже». Товарищ Арапов тоже разозлился и вызвал управляющего делами и приказал ему немедленно купить вьюшку...

Печку затопили. И в тот же день в угловой комнате появился прораб, который осмотрел обвалившуюся штукатурку и затем составил смету на новый ремонт — на сумму 2112 рублей 11 копеек.

Вас. АРДАМАТСКИЙ

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Писательница Лидия Тынянова в своей книге «Друзья-соперники» (Детгиз, 1945 год), описывая детские годы Чарльза Дарвина, сообщает:

«Он собирал без разбору всё, что попадалось ему под руки: раковины, марки, минералы, монеты...»

Как известно, Дарвин родился в 1809 году, а первая почтовая марка вышла в свет в 1840 году. Так что в таком легкомысленном поведении повинен не столько Дарвин, сколько Лидия Тынянова, которая заставила Дарвина собирать марки на много лет раньше, чем они возникли.

Климентий КОРЧМАРЕВ,
композитор, заслуженный деятель искусств

Москва.

Товарищ Крокодил!

Может быть, тебя интересуют зимние моды сезона 1946—1947 года на острове Диксон? Охотно сообщая. Дамы преимущественно носят туфли только на левой ноге, а мужчины носят главным образом металлические гильзы. Законодателями оригинальной моды являются начальник УРС главного управления Северного морского пути тов. Замятин и начальник архангельского отделения Арктикснаба тов. Вайнбаум. Эти мужи заслали на Диксон дамскую обувь только на одну ногу и не более не менее, как 77 тысяч металлических гильз, которых нам хватит, при самом скромном подсчёте, минимум на девяносто лет.

А. МАХНЕВ

Порт Диксон

Уважаемый Крокодил!

Вопросы хлебозаготовок вовсе не чужды председателю Близнецовского райисполкома (Харьковская область) тов. Панасовскому. Наоборот, не щадя сил и здоровья, Панасовский разъезжает по району и внимательнейшим образом вникает во все детали работы колхозов.

Вот, к примеру, прибыл он в колхоз «Комсомолец». Здесь его живо заинтересовало качество собранной пшеницы. Для этого он потребовал, чтобы в его машину отгрузили мешок зерна для анализа. А по приезде домой, будучи сильно занят текущими делами, сдал добытый в колхозе мешок пшеницы на анализ собственной свинье.

Говорят, свинья вполне одобрила колхозное добро.

И. ГУЦЕВ

Близнецы,
Харьковская область

Уважаемый Крокодил!

Дай, пожалуйста, консультацию по поводу юридической консультации, которая находится в помещении народного суда Фрунзенского района в Москве. На вывеске значится:

«Приём с 9 часов утра до 6 часов вечера».

Однако, зайдя как-то в часы приёма, я никого там не застал, и мне разъяснили, что работники консультации бывают, когда им вздумается.

Так вот, проконсультируй, пожалуйста: ходить ли в эту консультацию ежедневно в разное время, пока не посчастливится кого-нибудь застать, или, может быть, поискать другую консультацию, где в часы приёма работники находятся на местах?

Ф. КОРОЛЕВ,
подполковник

Москва

**ПОСЛЕДНИЙ
ТОСТ СЕЗОНА**

— За здоровье всех болевших за нас!

Рис. И. Семенова

Дорогой Крокодил!

Спроси у тов. Ветошкина, директора Ульяновской электростанции, как он относится к науке, к просвещению, и я уверен, он ответит старой истиной: «О, ученье — свет!» И чтобы, так сказать, практически доказать правильность этой мудрой поговорки, Ветошкин систематически лишает света Ульяновский сельскохозяйственный институт. Повидимому, он считает, что источником света здесь является учение, а не возглавляемая им электростанция.

И вот, во всём городе света сколько угодно, а в нашем институте темно. И должен сказать откровенно, что на тёмном фоне научного учреждения деятельность Ветошкина выглядит тоже довольно мрачно.

С. ЛУБЕНЕЦКИЙ,
доцент, зам. директора по учебной и научной работе Сельскохозяйственного института

г. Ульяновск

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ Читатель М. Ефимов сообщил в редакцию о скверной работе ОРО завода Текстильмаш в Иванове. Как сообщил нам Ивановский горком партии, начальник ОРО Фурукин с работы снят, заведующая протозаварным магазином Сорокина исключена из партии. Сняты так же с работы заведующий продуктовым складом Воробьёв, бухгалтер Батурич и директор подсобного хозяйства Терехин.

♦ Вокзал в Бахмаче находился в антисанитарном состоянии. Об этом написал в Крокодил Н. Грабляни. Пассажирская служба Московско-Киевской железной дороги распорядилась сделать ремонт. Произведены побелка и окраска вокзала, и установлена ежедневная дезинфекция всех помещений для пассажиров.

♦ В городе Старые Дороги (БССР) появилась аферистка, которая, выдав себя за «генеральскую дочь», устроилась кассиршей в магазине и бежала с выручкой. Аферистка была поймана и осуждена на два года, после того как по письму В. Кухаренко редакция сообщила об этом в Прокуратуру БССР.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИАНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 695.

Подписано к печати 16/XI 1946 г.

Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 1½.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

A 08629

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 2596

48

Рис. Ю. Ганфа

ЮР 46

Мистер Сейф — главный директор и художественный руководитель американского театра.